

ЗАКОНОДАТЕЛИ НОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ

Все эти «виды из окон», в конце концов, не просто отражают внешний мир, но и благодаря «поэтичному» плану вносят в него свои коррективы. Они как бы «пересоздают», «переформатируют» реальность. Отдельные «виды» при этом становятся настолько завораживающими, что их с легкостью перенимают не только соседи по лестничной «клетке», но и весь дом пытается подстроить под них свою жизнь. Говоря простыми словами, рано или поздно появляются по-настоящему феноменальные языковые картины мира, которые оказывают влияние не только на представления отдельных людей, но и на ход истории целых народов.

В этом смысле очень показательной является языковая картина мира (в дальнейшем сокращенно ЯКМ) романо-германской культурно-исторической эпохи¹. Стать настоящим гигантом среди многочисленных национальных концептов и мировым законодателем самых мощных культурных кодов ей во многом позволили не только политические предпочтения, но и внутренние лингвистические резервы языков, на которых «писалась» эта картина. Все они, как правило, относились или к романской (латынь, французский, испанский и др.), или германской (немецкий, голландский, английский и др.) группам языков и отличались развитым синтаксисом, соподчиненностью абстрактных понятий,

Картина
«Боярышня у окна»,
К. Маковский (ок. 1890).
Фото: www.stena.ee

О языке и его влиянии на картину мира

Художник, краски и картина

Окончание. Начало в № 3 / 2021

флексивностью, лексическим богатством, развитым понятийным аппаратом, логической структурой языка и т. д.

Поскольку все указанные лингвистические параметры наиболее полно и ярко представлены в германских языках (для ясности изложения оставим два из них – немецкий и английский), будет вполне логично на их примере показать,

как внутренние законы языка могут оказывать свое влияние на ЯКМ имперского значения. Это, в свою очередь, позволит лучше понять особенности эпохи, в которую мы живем. Эпохи, культурный код которой также написан германской по форме и англосаксонской² по существу кисточкой.

ЛЕКСИКА. НА ЧЕМ НАСТАИВАЛИСЬ КРАСКИ, ИЛИ РОЛЬ ЭТИМОЛОГИИ

Когда мы говорим о «развитости» того или иного языка, то подразумеваем прежде всего его лексическое богатство. Чем больше

¹ Вслед за И. Данилевским под ней мы понимаем западноевропейскую цивилизацию, ведущую свое начало с эпохи Древнего Рима и продолжающуюся в англосаксонской интерпретации по настоящее время.

² В данном случае в использовании термина «англосаксы» не следует усматривать никакого политического подтекста и никакой негативной коннотации. Он используется исключительно в лапидарных целях и равнозначен фразе «Великобритания и США».

в языке появлялось имен (названий), тем ярче и насыщенней становились наши «иллюстрированные представления» об этом мире. Много о том, как слову удавалось добиваться такого «художественного» эффекта, может рассказать этимология.

Используя этимологические знания, удается выяснить не только, откуда пришло то или иное слово, но и как оно создавало в человеке образы окружающей его действительности; какие характерные оттенки того или иного объекта больше всего бросались в глаза представителям различных языковых сообществ; как проявлялся в слове национальный дух и тип мышления, тот тип мышления, который в конечном итоге и определяет рамки нашего видения не только этого предмета, но и связанного с ним понятия, фразы, контекста. Этимологическая составляющая в данном случае является, по сути, своего рода лакмусовой бумажкой исторического пути слова, культурного опыта, который слово приобрело за свою многовековую историю. Кроме того, этимология позволяет найти расхождения во взглядах на этот мир и понять причину их появления. Два разных языка – как два разных человека двух разных профессий, каждый из которых видит что-то свое. Это слово плотник и секретарша, глядящие на окно в вечернем кафе. Если плотник сразу обратит внимание на некачественные крестовины, то секретарша тотчас заметит пятно, которое расплзлось по стеклу и мешает ей увидеть то, как она выглядит. Для одного в приоритете содержание, для другого – отражение. (Что тут говорить о народах, когда двое смертных, глядя на один и тот же предмет, не могут увидеть одно и то же.)

Но слово не только вбирает в себя окружающий мир во всем его национальном колорите, не только

▲ Картина «Дорога во ржи». И. Шишкин (1866)

Фото: ARTCHIVE.RU / WIKIMEDIA

отражает многогранность этнического характера и культурную специфику определенного региона, оно еще и влияет на все эти колориты, характеры и специфики. Как через лексическое значение (в меньшей степени), так и через внутренние образы, прообразы, гештальты, мифологемы (в большей степени) слово оседает на обломках нашего подсознания, оставляет там свои метафизические следы, матричные узоры и таким образом начинает творить там свою эрзац-реальность.

Если нашего плотника заменить на русский язык, а дамочку – на английский, то мы увидим, как по-разному на этом подсознательном уровне в них обоих работает денотат того же «окна». Этимологически выверенное «окно» в подсознании русского, к его огромному удивлению, оказалось бы связано с «оком» (это как раз именно та заставка, которая незримо присутствует и влияет на представления русского об «окне»). В подсознании же англичанина – с «ветром»³.

ЕСЛИ В НЕМЕЦКОЙ «ДОРОГЕ» (DER WEG) БУДЕТ ПРЕОБЛАДАТЬ ЛАТЫНЬ И ДВИЖЕНИЕ, ТО РУССКАЯ «ДОРОГА» БУДЕТ БОЛЬШЕ СВЯЗАНА С ЧЕМ-ТО «ДЕРГАЮЩИМСЯ», «РВУЩИМСЯ».

Все это правомерно и в отношении других лексических единиц. Так, если в немецкой «дороге» (*der Weg*) будет преобладать латынь (то есть посредничество старшей культуры – к этому мы еще вернемся во второй части статьи) и движение (происходит от лат. *via* – «дорога, путь», восходит к праиндоевр. *wegh-* – «идти»⁴), то русская «дорога» будет больше связана с чем-то «дергающимся», «рвущимся» (слово «дорога» является производным от праслав. *dyrgati* – «дёргать, рвать»). Чтобы раскрыть этот этимологический секрет, нет никакой необходимости углубляться в М. Фасмера или копаться в архивах Кембриджа. Для этого достаточно просто прокатиться по российской глубинке.

³ Английское слово «window» своим происхождением обязано «ветру». Это всего лишь «отверстие, через которое входит ветер (wind)».

⁴ Я не исключаю того, что корень этого слова может быть родственен русскому глаголу «двигать», «двигаться».

Как бы то ни было, благодаря изучению этимологии можно раскрыть не только многие секреты идеологической манипуляции массовым сознанием или психологические аспекты суггестивной лингвистики, но и понять, как эти заставки, создаваемые образом слова, его архетипом, могут менять наше представление о действительности и управлять нашим взглядом на жизнь.

Развивая эту мысль, нетрудно будет прийти к выводу, что в принципе любое слово, которое мы вселяем в себя, помимо своего лексического значения, привносит в нас еще тысячу скрытых смыслов и образов (этимологического характера). Образов, о которых мы вряд ли когда-нибудь задумываемся, образов, которые по-своему влияют на наши представления об этом мире, приближая и одновременно удаляя нас от него.

МИР ПОНЯТИЙ

Эти образы основаны не только на материальных элементах этого мира, но и на когнитивных⁵. Вообще, надо сказать, что понятия для узнавания мира играют не меньшую, а иногда даже большую роль, чем сами материальные объекты. Они создают когнитивный каркас, который явля-

ется несущим для всего здания нашего восприятия действительности.

У каждого народа и каждого языка этот каркас свой⁶. У каждого народа он сделан из собственного материала. Поэтому нередко приходится считаться с расхождениями в употреблении и понимании одного и того же понятия. Их идентичность вряд ли может быть абсолютной. Как правило, понятие получает иную трактовку, иную коннотацию. Тот же «счастливый», к примеру, в английском варианте (*happy*) будет совсем не так уж «счастлив» в варианте русском. Английский счастливчик будет скорее «беспечным, беззаботным или жизнерадостным»⁷, чем по-настоящему по-русскому счастливым⁸, летящим на крыльях удачи и стоящим на вершине успеха.

Особенно ярко все эти отличия в отражении реальности демонстрируют фразеологизмы. Изучая их, можно только поражаться тому, насколько часто русскому бывает хорошо, когда немцу при тех же обстоятельствах остается разве что сыграть в ящик⁹. Либо наоборот¹⁰.

За счет своей экспрессивности, прагматичности и эмоциональности фразеологизмы способны не только лучше всего передавать культурно-исторический опыт познания мира, но и очень выразительно под-

черкивать этническую специфику мышления, демонстрировать то, как создается национальный флер понятий. Большое значение при этом имеет стабильность и долговечность фразеологизмов. Языковая картина мира пополняется ими в процессе развития общества незначительно. А сам процесс образования фразеологических единиц достаточно длителен. Фразеологизмы – это, по сути, «застывшие результаты деятельности языкового сознания народа»¹¹, которые обеспечивают прочность и устойчивость всей вышеупомянутой конструкции. Конструкция, которая позволяет нам не только ориентироваться в этом мире, но еще и структурировать, организовывать, создавать архетипы, кодировать информацию, дает нам возможность отыскивать внешние контуры уже не материального, но духовного мира. Конструкции, состоящей из когнитивного каркаса понятий и строительного материала лексем, скрепленных раствором фонем и звуков. Скрепленных музыкой слов.

Из статьи

«Язык и его влияние на становление, развитие и бытование романо-германской культурной эпохи (западноевропейской цивилизации). Постановка вопроса».

Вячеслав Нургалиев

⁵ Когнитивный – [лат. *cognitio* – восприятие, познание] относящийся к познанию, к функциям мозга, которые обеспечивают формирование понятий, оперирование ими и получение выводных знаний.

⁶ Именно этот каркас, по мысли В. фон Гумбольдта, наиболее убедительно доказывает, как «умственная особенность одного народа отличается от подобной особенности всякого другого». См. Гумбольдт Вильгельм фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Введ. во всеобщее языкознание. Учеб. пособие по теории языка и словесности в воен.-учеб. заведениях. Посмерт. соч. Вильгельма фон Гумбольдта / Пер. П. Билярского. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1859. VI, [2]. С. 188.

⁷ Филиппова М. М. Взаимосвязь языка, мышления и культуры и преподавание иностранного языка. // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2008. Вып. 36. С. 112.

⁸ Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. [Электронный ресурс]. URL: <https://ozhegov.textologia.ru/definit/schastliviy/?q=742&n=> (дата обращения: 13.11.2020).

⁹ Аллитерация поговорки: «Что русскому здорово, то немцу смерть!»

¹⁰ Поскольку мы заговорили о царстве Аида, следует отметить, что немцы вообще иначе относятся к феномену смерти. В отличие от русской философии жизни, смерть не является табуизированным понятием и относится в немецкой культуре к числу культовых понятий, которое находит широкую распространенность не только в немецких философских трактатах, немецкой литературе, но и в том числе во фразеологическом корпусе немецкого языка. Например: «*Der Tod ist so wenig eine Niederlage, wie das Leben ein Sieg ist*» – «Смерть настолько мало является поражением, как жизнь победой». Этот пример наглядно демонстрирует то, что в немецком менталитете нет сакрального ощущения страха перед смертью, немец не воспринимает смерть как вечную непостижимую тайну природы, граница между смертью и жизнью очень условна, и чаще всего и смерть, и жизнь выступают равноценными понятиями. Подробнее об этом см. Демидкина Е. А. Особенности и приемы перевода на русский язык немецких фразеологических единиц и паремий с компонентом «Leben» // ВЕСТНИК ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, Воронеж. 2007. № 1. С. 136.

¹¹ Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию). М.: Наука, 1993. С. 138.